

Современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе

Истоки, факторы динамики,
возможные перспективы развития

Абуталиб Санглибаев,
кандидат социологических наук,
советник Президента Карачаево-Черкесской Республики

В настоящее время Северный Кавказ является одним из наиболее конфликтных регионов РФ.

Это обусловлено критическим уровнем противоречий в национально-государственном устройстве и межэтнических отношениях, в основе которых лежит конкурентная борьба этнических и политических сил за перераспределение власти и ресурсов: земли, производственных мощностей, источников финансовых поступлений. Свое выражение эта борьба находит в разнообразных движениях народов Северного Кавказа: за реабилитацию репрессированных народов, повышение статуса народа в иерархии национально-государственных образований, за выход той или иной территории из состава Российской Федерации.

Стратегическая значимость Кавказа для России заключается в том, что Кавказ является своеобразным связующим звеном между Европой и Центральной Азией за счет выхода к системе трех морей: Черного, Азовского и Каспийского.

Другой особенностью Кавказа является своеобразная изолированность новых кавказских независимых государств и российских республик, что обусловлено отсутствием международных контактных узлов, где сходились бы границы нескольких государств,

затрудненностью связи данных политических субъектов с внешним миром и между собой, сильной экономической, а теперь политической и военно-стратегической зависимостью от транзита через территории соседних стран¹.

Многие кавказские республики являются географическими “тупиками”. Так, в Адыгею, Карачаево-Черкессию можно попасть только через территорию собственно российской части Северного Кавказа, а в Балкарию – только через Россию и Кабарду. Путь в Ингушетию из России идет или через

Кабарду и Северную Осетию, или через Дагестан и Чечню.

Это общее свойство геополитического положения Кавказа для российских республик усугубляется трудностью выхода к морю: в этом отношении они полностью зависимы от России. В случае же отрыва от нее изоляция северокавказских республик усилится, поскольку внешнее сообщение для них, помимо российской территории, возможно только через Дагестан, Азербайджан и Турцию, что представляет собой долгий путь, пролегающий через политически нестабильные районы.

Изолированность Кавказа усугубляется крайней уязвимостью его коммуникаций. Основная масса пассажиров и грузов в кавказском направлении проходит через узкую ростовскую горловину, а затем распределяется по двум региональным магистралям: восточной, более мощной, и западной, обладающей меньшей пропускной способностью, пролегающей на значительном протяжении вдоль черноморского побережья и потому более уязвимой.

Сеть дорог в горах Северного Кавказа весьма слабая и привязана к долинам рек и немногочисленным перевалам. Самой крупной преградой является Главный Кавказский хребет, который относительно легко можно пересечь только по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал. Другие перевалы используются слабо и то при чрезвычайных обстоятельствах.

Например, связь Северной Осетии с Южной через Рокский перевал или переброска боевиков и оружия из Карачая в Абхазию.

Отсутствие непосредственных связей между родственными горскими народами, даже если они проживают в соседних ущельях, служит серьезным препятствием не только в экономическом и военно-стратегическом плане,

но и для формирования единства горцев и способствует повышению стратегической значимости приморских проходов, а значит, роли Абхазии и Дагестана.

Так как Россия только на небольшом участке выходит к Азово-Черноморскому бассейну, ее главный политический интерес – сохранение стабильности в собственно российской части Северного Кавказа, а именно: Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Россия располагает на Кавказе только двумя портами – в Новороссийске и Туапсе. Оба имеют нефтяные терминалы.

В частности, Новороссийский входит в тройку главных портов бывшего Союза, а в отдельные годы он занимал первое место.

Географически, исторически, конфессионально и по этническому составу Северный Кавказ можно условно по Дарьяльскому ущелью Главного Кавказского хребта разделить на Западный и Восточный Кавказ.

Восточный Кавказ включает у себя часть Северной Осетии-Алании, Ингушскую Республику, Чеченскую Республику и Дагестан.

Для данного региона характерен ряд межнациональных, внутриконтинентальных и межконфессиональных конфликтов, втянувших в противостояние ряд субъектов Российской Федерации. Сложные и по своей сути неразрешенные противоречия, в первую очередь национального свойства, питают сепаратизм в Чечне, осетино-ингушский конфликт, проблемы разделенных народов в Дагестане.

Западный Кавказ, включающий в свой состав Адыгею, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, хотя и испытывал с конца 90 годов XX в. определенное межнациональное противостояние, в целом остается более стабильным регионом.

Политические интересы националистической элиты горских республик во многом схожи – это продвижение по пути к установлению единства горцев, преодоление внутренних конфликтов и раздробленности, дистанцирование от Москвы так далеко, как это возможно на каждый текущий момент, наряду с поддержанием с ней экономических отношений, а также поиск геополитической идеи, которую было бы возможно положить в основу формирования единого государства или конфедерации.

Основным внутренним препятствием для реализации такого сценария является жесткое соперничество за роль регионального лидера, причем, следует отметить, что на нее претендуют не только северокавказские этносы (в первую очередь, чеченцы), но и независимые государства Кавказа.

На текущем этапе роль “объединяющего” элемента пытается примерить на себя Грузия, активно стремящаяся к интеграции в евроатлантические структуры и формирующая антироссийское политическое и информационное поле в регионе.

За последние 15 лет Грузия так и не сумела “излечиться” от национализма: к власти последовательно приходили более или менее националистически настроенные лидеры.

Национализм, а также государственная идеология, опирающаяся на него, призваны, в первую очередь, мобилизовать массы по этническому признаку для решения тех или иных политических или военных задач. Как показывает практика, элита, сделавшая ставку на этническую мобилизацию масс, стремится разрешить “одним махом” наиболее сложные проблемы страны, канализируя активность масс в нужном для нее направлении.

Государство, опирающееся на национализм, не может существовать без

поиска врагов нации и чаще всего их находит внутри страны.

В ситуации с Грузией их практически не нужно искать – это две мятежных автономии, а также Россия, которую уже почти 15 лет обвиняют в развале Грузии.

Собственная неспособность справиться с кризисной ситуацией стимулировали грузинскую элиту как при Гамсахурдии, так и при Шеварднадзе и, вероятнее всего, уже и при Саакашвили сваливать все неудачи на недружелюбные действия мощного внешнего агента, которым является Россия.

Можно сравнить высказывания двух президентов Грузии, приведенные зарубежными СМИ: “Мы потеряли Южную Осетию и Абхазию, так как русские поддерживали сепаратистов. Тогда русские бросили меня в беде. Этого я им никогда не прощу” (Шеварднадзе)².

“США нам помогают, тогда как от России – одни проблемы” (Саакашвили, на форуме в Давосе)³.

Посыл обоих президентов практически идентичен: если бы не Россия, в Грузии бы вообще не было проблем.

Сводом в строй нефтепровода “Баку-Джейхан” Грузия, по территории которой проходит значительная часть нитки, приобрела особое значение для государств Запада, в первую очередь США, планирующих использовать энергоресурсы Каспия для покрытия собственных потребностей.

Исходя из этого, контроль над территорией Грузии становится важнейшей задачей США, стремящихся не допустить ее вовлечения в орбиту российского влияния. Второй задачей является формирование альтернативного России “центра силы” на Кавказе и консолидация вокруг него большей части антироссийских акторов.

Тема угрозы со стороны России постоянно будируется в грузинском об-

шестве, ускоренными темпами идет милитаризация страны с помощью американских финансовых вливаний. В то же время, политика грузинских властей пока не принесла им ощутимого успеха на внутрикавказском фронте – ни Армения, ни Азербайджан, ни северокавказские народы не собираются признавать лидерство Грузии в вопросе консолидации Кавказа. Более того, со стороны северокавказских лидеров иногда звучат плохо скрываемые угрозы в адрес Грузии в связи с ее планами военным путем решить проблему своей территориальной целостности.

Так, в начале ноября 2004 г. первый вице-премьер Чеченской республики Р.Кадыров выступил в СМИ с резкими оценками деятельности Грузии по поддержке террористов и отметил, что "...нам в Чечне... надоело молча наблюдать за тем, как в Панкиси обучают, вооружают и направляют в Чечню террористов..."⁴.

Более того, Кадыров заявил, что "...может быть некоторым обидчивым грузинским политикам это не понравится, но мы бы смогли восстановить там порядок..... У меня есть эффективные и способные люди. Мы можем провести в России любую операцию, если из Москвы поступит команда"⁵.

Иными словами, Тбилиси дали понять, что в случае возможной агрессии против Абхазии и (в меньшей степени) Южной Осетии Москва попросту воспользуется "саудовским рецептом" – даст своим малоконтролируемым вооруженным формированиям карт-бланш на действия по защите своих "братьев" на территории Грузии и кошмар начала 90-х годов, когда тысячи добровольцев из северокавказских республик приняли активнейшее участие в избиении грузинской армии в Абхазии, вполне может повториться⁶.

Естественно, такой сценарий абсолютно не устраивает США, которые как могут тормозят не в меру горячего Саакашвили, стремящегося одним кавалерийским наскоком решить все территориальные проблемы.

Для успешной реализации подобного сценария военно-политическая ситуация на российском Северном Кавказе должна быть максимально дестабилизирована, а все деструктивные силы задействованы во внутренних конфликтах, чего как раз и добиваются США. Однако удерживать грузинских руководителей становится все более проблематичным и не исключено, что в случае, если действия Саакашвили и его команды не достигнут поставленной цели – контроля над всей территорией страны или, что весьма вероятно, в результате неудачных действий грузинских вооруженных подразделений, ситуация в стране станет малоуправляемой, США вынуждены будут под благовидным предлогом взять под контроль ключевые пункты на территории Грузии для обеспечения функционирования нефтепровода "Баку – Тбилиси – Джейхан".

В целом можно отметить, что нерешенные проблемы территориальной целостности, а также недавние военные поражения, понесенные во время столкновений в Южной Осетии и Абхазии от объединенных сил горских народов Северного Кавказа, не способствуют лидерским потугам Грузии – северокавказские инсургенты воспринимают ее лишь как один из инструментов для достижения своих целей: территория, базы отдыха, оружие, политическая поддержка, связь с Западом.

Для Северного Кавказа характерна очень высокая этническая мозаичность: на его территории проживают многочисленные группы некоренного населения и около пятидесяти коренных народов, самыми крупными из которых являются:

- дагестанская группа,
- вайнахская группа,
- тюркская группа,
- абхазо-адыгская группа.

Первые две группы занимают, в основном, территорию восточного Кавказа, вторые доминируют на западном.

Многие нынешние нации Северного Кавказа – это конструкции уже советского периода, когда происходило или объединение десятка разнообразных групп, как, например, в аварскую, или, наоборот, из черкесов произошло выделение кабардинцев, черкесов и адыгейцев. Взаимоотношения же между этими народами были сложными, какими остаются и сейчас.

Между вышеназванными кавказскими этническими группами осуществляется жесткая конкуренция за доминирование в кавказских регионах, при этом демографический потенциал вайнахско-дагестанского ареала примерно вчетверо больше, чем адыгского¹.

Следовательно, во многом определяющей на Кавказе как в численном, так и в идеологическом отношении может быть роль вайнахско-дагестанской группы и, в частности, чеченцев. Это побуждает адыгов и тюрков обособиться на западном Кавказе, сформировав его как отдельный этнополитический регион, обеспечив доминирование своих элит. Во многом именно эта причина обусловила весьма вялую реакцию адыгов и тюрков на отчаянную риторику чеченских сепаратистов об общекавказской и исламской солидарности во время военных кампаний в республике.

Конструирование современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе было реализовано в течение 50 лет Советской власти с частичным принятием опыта предшествующего времени.

Например, заселение казачеством отдельных районов для формирования имперской национальной прослойки между горскими народами с севера и запада пришло из XIX в.

Политико-административное деление горских народов – это советская конструкция, базирующаяся на следующих основаниях:

– “сдваивание” этнически разнородных общностей в едином территориально-административном образовании;

– политико-административное деление, неучитывающее в полной мере традиционных ареалов расселения этносов;

– произвольность границ.

Первое основание предполагает единое политико-административное деление для двух народов. При этом обязательно присутствие живущего в этом районе в достаточном количестве имперского народа, что делает устойчивым сочетание двух горских народов. Примером является Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия.

Второе основание формирует административно-статусное неравенство национальных образований.

Адыгея имела в СССР статус автономной области в составе Краснодарского края, Карачаево-Черкессия – тоже автономная область в составе Ставропольского края, а далее к востоку идут автономные республики в составе РСФСР, то есть уровень политико-административных образований повышается с запада на восток.

Третье основание выражается в прокладывании границ так, что они или делят область компактного проживания народа, или образуют остров в центре территории другого народа.

Например, административная граница делила Осетию на Северную и Южную.

Адыгейская автономная область была окружена Краснодарским краем.

А родственный абхазам черкесский этнос был отделен грузинской границей.

Принцип произвольности границ, кроме разделения народов, дал возможность построить коридор, отделяющий мусульманские народы от хри-

стианской Осетии и простирающийся с севера на юг, от Моздока до Южной Осетии. Осетия ограждает исторический проход из России в Закавказье через Крестовый перевал.

Советская система “сдержек и противовесов”, созданная на Северном Кавказе, функционировала при выполнении ряда условий, в первую очередь, мощного силового и социального обеспечения такой политики. С ослаблением государства выполнить эти условия стало невозможно, и система начала активизировать заложенные в ней взрывоопасные механизмы.

Одной из форм их активизации стало религиозное движение салафитов (ваххабитов), основной целью которого является установление исламского правления на Северном Кавказе и превращение подобного теократического образования в важнейший фактор мировой геополитики, с помощью которого претензии исламского мира на свою долю ресурсов и благ модернизации в глобальном масштабе выглядели бы более весомыми. Контроль над Каспийско-Черноморским транспортным коридором позволил бы воинствующим исламистам добиться от развитых стран больших уступок в плане культурного и политического доминирования в важнейших регионах планеты. Движение активно поддерживается из-за рубежа, однако, если западные организации видят в нем лишь инструмент для редуцирования российского влияния в регионе и в мире в целом, то исламские фонды, организации и некоторые государства стремятся обеспечить на Кавказе свое цивилизационное доминирование⁷.

Среди западных государств, пытающихся использовать данный “инструмент” можно выделить Великобританию и, в меньшей степени, США. В любом случае западные державы, стре-

мясь обеспечить достижение двух основных целей (безопасность транзита энергоносителей и монополюю на их разработку, а также геополитическое ослабление России за счет поддержания кавказского участка “дуги нестабильности” и управляемых конфликтов в регионе), действуют, в основном, через легальные структуры ООН и правозащитных организаций (таких, как не столь давно закрытый в Ставрополе офис Датского совета по беженцам), которые оказывают административную, дипломатическую и финансовую поддержку инсургентам, в первую очередь тем, кто выступает под знаменами национально-освободительной борьбы. Примечательно, что в последнее время ваххабитские структуры пытаются как можно более тесно (по крайней мере на пропагандистском поле) связать себя с чеченским и дагестанским сепаратистским движением и придать своей борьбе более цивилизованную форму.

Так, при атаке Нальчика в октябре 2005 года нападению подверглись только вооруженные структуры государственной власти при минимальных жертвах со стороны мирного населения.

Однако основную финансовую поддержку формированиям воинствующих исламистов оказывают неправительственные исламские фонды, базирующиеся, по большей части, в странах Персидского залива.

В этой связи нужно отметить, что российские власти на Северном Кавказе до сих пор не имеют цельного представления о том, как взаимодействовать с исламским духовенством и наиболее активной частью северокавказской уммы.

Опыт Советской власти в подавляющем большинстве ситуаций не соответствует нынешним реалиям Северного Кавказа, опыт Российской Империи

представляется более адекватным, но для его использования придется создавать цельную систему “государственно-го присмотра” и патронирования традиционного ислама. На сегодня в политике государства просматриваются лишь разрозненные элементы возможного комплексного подхода, позволяющие путем паллиативных решений регулировать в частных случаях проблемные ситуации. Проектов создания реальной системы взаимодействия с исламским духовенством и уммой пока нет.

Внешнее воздействие на религиозную и социально-политическую обстановку на Северном Кавказе можно определить как двухуровневое, но вполне взаимосвязанное:

Во-первых, влияние оказывается международными неправительственными общественными организациями, финансируемыми развитыми странами Запада (в первую очередь, США, Великобританией, частично Германией и Францией) на так называемый средний класс и интеллигенцию, то есть людей, которые пытаются более глубоко задумываться над ситуацией и склонны к формированию собственной, заметно отличающейся от официально-государственной, позиции о событиях в регионе, их причинах и следствиях.

Во-вторых, воздействие оказываются исламскими благотворительными организациями, которые в силу специфики своей деятельности нередко поддерживают радикально настроенные объединения и лидеров, способствуя втягиванию в их деятельность люмпенов и прочих маргинальных элементов.

Если первый уровень создает общественный фон, при котором часть представителей интеллигенции и среднего класса готова (после определенной рефлексии, подпитываемой дея-

тельностью западных фондов) найти обоснования для жестких действий радикалов и сформировать некую “общественную симпатию” к ним, то второй направлен как на повышение уровня религиозности населения, так и на прямую финансовую подпитку деятельности радикалов, способных постоянно держать органы государственной власти и население в неослабном напряжении.

Несмотря на то, что оба уровня поддерживаются различными источниками, тем не менее, в целом они создают объективные предпосылки для размывания базовых ценностей северокавказского социума и формирования антироссийских настроений.

Координация действий акторов на обоих уровнях осуществляется спецслужбами, в первую очередь британскими и турецкими, имеющими богатый опыт работы на Кавказе и устойчивые геополитические интересы в данном регионе. Специальные службы США, не имеющие навыков работы с кавказскими элитами и инсургентами, пытаются воздействовать на ситуацию, по большей части, через своих британских коллег.

Активную правозащитную деятельность в регионе осуществляют европейские (в первую очередь, французские) деятели, способствующие также приемлемой для европейцев идеологизации деятельности северокавказских мятежников и распространению сведений о ней в СМИ, в академических и правозащитных кругах Европы (яркий пример – философ Андре Глюксманн)⁸.

Своеобразной “прокладкой” между местным обществом и внешними акторами являются российские правозащитные организации, преследующие две цели – добиться реализации своих “гражданских” идеалов и заработать денег на сотрудничестве с зарубежными партнерами.

Наиболее сложной и опасной частью деятельности международных неправительственных общественных организаций (МНОО) является финансирование ими тех или иных проектов на территории независимых государств. Прежде всего, это вызвано тем, что финансовые потоки, идущие на осуществление проводимых данными организациями проектов, должны быть прозрачны и официально задекларированы, их использование не должно нарушать местное законодательство и не использоваться для непосредственной оплаты общественных организаций, общественно-политических движений, партий находящихся в оппозиции местным властям.

Жесткие условия, определяющие финансовую деятельность МНОО, заставляет их каждый раз, исходя из ситуации в стране пребывания, ее законодательства и собственных интересов, находить новые возможности скрытого финансирования своих проектов или корректировку уже наработанных методов финансирования. В качестве наиболее часто используемых методов финансирования используется система грантов.

Она заключается в выполнении по заданию МНОО той или иной работы, которая в зависимости от ситуации может иметь характер научной работы, социальной, правозащитной или учебной программы.

Наиболее широко система грантов используется для сбора социально-политической и экономической информации о ситуации в регионах России под предлогом проведения научной работы, социальных, политических и экономических исследований.

В результате этого заказчики, в лице МНОО и подконтрольных им фондов, получают широкий, хорошо проработанный аналитически срез складывающейся в регионе ситуации.

Наиболее активны в регионе Северного Кавказа следующие международные неза-

висимые общественные организации и фонды: Европейская комиссия по правам человека ОБСЕ, фонды Ч.С.Мотта, Форда, К.и Дж. Макартутов, Ф.Эберта и Дж.Сороса.

Для многих лиц, вовлеченных в правозащитное движение, учитывая значительные финансовые вливания из-за рубежа, оно является фактором укрепления своего материального положения. Осознавая это, представители зарубежных фондов и организаций жестко контролируют отчетность правозащитников. При этом снижение их активности, вне зависимости от политической ситуации в стране или регионе, вызывает соответствующее уменьшение финансирования.

Так, уменьшение результативности ПЦ "Мемориал" в 2004 г. вызвало сокращение его финансирования на 20%. Исходя из финансового аспекта, между правозащитными организациями существует определенная конкуренция.

Основными зарубежными партнерами правозащитного движения являются государственные структуры (Агентство по международному развитию США, Министерство международного развития Великобритании, Государственный Департамент США, Правительство Дании, Совет Европы).

В отличие от МНОО исламские общественные организации действуют по-иному.

Их основой являются общественные исламские благотворительные организации (ОИБО). Исходя из положений ислама, финансовая и политическая поддержка единоверцев считается "богоудобным" делом, а религиозный налог "закят" в 2% от прибыли каждого мусульманина, перечисляемый в фонды поддержки бедняков, является одним из столпов ислама.

Основными поставщиками финансовых средств в ОИБО являются бога-

тые исламские государства: ОАЭ и Саудовская Аравия. В современных условиях ОАЭ и Саудовская Аравия не могут отказаться от тесных контактов с неисламским миром, прежде всего в лице ЕС и США. Это обстоятельство входит в определенные противоречия с государственной идеологией, основой которой является ислам ханбалитского мазхаба, наиболее строгий в вопросах веры. Поэтому для снятия напряжения между практической политикой, ориентированной на западные ценности, и государственной идеологией указанные страны осуществляют экспорт за рубеж не только идеи салафизма, финансы, но и наиболее фанатичную и активную часть представителей своего общества.

Среди фондов и организаций, активно вовлеченных в работу на Северном Кавказе, можно выделить "Аль-Харамейн", "Аль-Хайрийа", Фонд исламской солидарности, Международную исламскую организацию спасения ("Аль-Игаса"), Международную ассоциацию благотворительной помощи ("Тайба"), "Братья-мусульмане".

В последние годы на Северном Кавказе ужесточается борьба за власть, активизируется оппозиция. То в одной, то в другой республике вспыхивают острые конфликты, ставящие под угрозу политическую стабильность. На этом фоне Федеральный центр вынужден активизировать кадровую политику, хотя, собственно, при существующей системе выборов Центра невелик: либо оставлять действующих глав регионов и выражать им доверие, либо искать преемника, либо внедрять "аутсайдера".

Первыми сигналами о дестабилизации политической ситуации в республиках Северного Кавказа стали события в **Карачаево-Черкессии**. После убийства ряда представителей оппозиционной части карачаевской элиты толпа захватила Дом Правительства Республики и прозвучали жесткие

требования отставки президента КЧР М.Батдыева.

Подобная ситуация повторилась в **Северной Осетии (РСО-А)**: после трагедии в Беслане против А.Дзасохова выступили родственники погибших, потребовав отставки главы Республики.

Парламент РСО-А даже принял постановление, в котором обвинил правоохранительные органы в том, что они использовали тяжелое вооружение при штурме здания школы: в результате чего погибло много заложников. В обострившейся ситуации президент А.Дзасохов подал в отставку.

Новый глава республики Т.Мамсуров дал понять, что ему крайне сложно подерживать стабильность.

В этих условиях тактика Федерального центра заключается в недопущении опасных прецедентов, когда под давлением оппозиции принимаются кадровые решения об отставке руководителей Республики.

Еще один фактор, серьезно осложнивший обстановку на Северном Кавказе, связан с началом реализации положений реформы местного самоуправления.

Муниципальная реформа на Северном Кавказе, по сути, масштабное земельное размежевание в регионе, где нет укорененных процедур публичной политики и экономики, но где доминируют массовые представления об этнической собственности на землю и недопустимости пересмотра "этно-имущественных" вопросов.

Так, в преддверии активной фазы реализации реформы в **Ингушетии** резко активизировалась оппозиция в лице движения "Ахки-Юрт" и депутата народного собрания М.Оздоева: они потребовали возвращения Пригородного района и отставки президента Ингушетии М.Зязикова.

С оппозицией Зязиков сумел договориться⁹. По крайней мере на время акции протеста были отложены, а ее лидер

Б.Арсмаков 28 июня 2005 г. был назначен советником президента. Сам глава Республики получил доверие от Центра и остался на посту президента¹⁰.

Реформа местного самоуправления стала поводом для беспокойства и в другом регионе – в **Кабардино-Балкарии**.

Ранее самая стабильная Республика с точки зрения межэтнических отношений, перестала быть в этом плане исключением.

Между Эльбрусским районом (преимущественно балкарцы) и республиканским центром (контролируется кабардинцами) началось противостояние за контроль над курортной зоной Эльбруса (это главный экономический ресурс региона).

Принятие нового закона о местном самоуправлении фактически передавала Эльбрус в республиканское ведение, а руководство района было “дублировано” постом спецпредставителя президента¹⁰. Все это вызвало многотысячные акции протеста со стороны населения региона.

Политический кризис продолжился и в **Карачаево-Черкессии**.

Там развернулся конфликт экономического характера между кланами одной национальности – карачаевцами. В середине июня 2005 г. оппозиция вновь поставила вопрос об отставке президента, но конфликт удалось урегулировать.

К этому добавилась и другая проблема: против Батдыева выступили абазины – четвертый по численности этнос в регионе.

Абазины потребовали создания этнической административно-территориальной единицы в виде Абазинского района, что и было им предоставлено в 2006 г.

Реформа местного самоуправления явилась, таким образом, дополнительным поводом для активизации борьбы за политическое влияние и экономические ресурсы.

В **Кабардино-Балкарии** речь идет о статусе курортной зоны Эльбруса и распределении доходов от ее использования.

В **Карачаево-Черкессии** – о статусе крупнейшего в республике сельхозком-

бината “Южный”, приносящего значительные доходы местному бюджету¹⁰.

В **Ингушетии** оппозиция, поддерживаемая проигравшим на прошлых президентских выборах кланом Р.Аушева – М.Гуцериева) апеллирует к “больной” теме осетино-ингушского конфликта. За счет этого она получает дополнительный козырь в торге с исполнительной властью за влияние.

Но специфика Северного Кавказа в том и заключается, что почти любая политическая борьба или борьба за экономические активы усложняется межклановыми или межэтническими противоречиями¹⁰.

Одним из наиболее неоднозначных проектов, озвученных федеральными чиновниками, является объединение субъектов Федерации между собой и, в перспективе, создание в рамках Южного федерального округа трех крупных территориально-административных образований, которые поглотят существующие края, области и республики.

По замыслу одного из разработчиков концепции, председателя комитета Совета Федерации по региональной политике, сенатора от Ростовской области А.Казакова, Россия должна быть поделена на 28 губерний. 13 регионов ЮФО сольются в три губернии:

– Волго-Донскую (Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области),

– Причерноморскую (Краснодарский край, Адыгея, Карачаево-Черкессия) и Северо-Кавказскую (Ставропольский край, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечня).

Столицами станут Ростов, Краснодар и Ставрополь¹¹.

Несмотря на то, что на официальном уровне проект “губернизации” был публично отвергнут, даже попыт-

ки поставить этот вопрос воспринимаются этническими элитами на Северном Кавказе крайне болезненно.

Об этом красноречиво свидетельствует пример политического противостояния между южными окружными властями и прежним президентом Адыгеи Х.Совменом, едва ли не пригрозившим Федеральному центру социальной и политической нестабильностью в Республике в случае, если дело дойдет до практических шагов по объединению Республики с Краснодарским краем.

Также с большим скепсисом к идее объединения КЧР со Ставропольским краем относится карачаевская элита, крайне нервно реагирующая каждый раз, когда в кризисных ситуациях черкесская и абазинская элиты угрожают инициировать процедуру перекройки административных границ Республики с присоединением русских, черкесских и абазинских районов к Ставропольскому краю.

Поддерживая в целом идею Федерального центра об укрупнении субъектов Федерации, северокавказские элиты в то же время настаивают, чтобы их это не коснулось, ссылаясь на то, что регион сложный и поэтому результат предсказать трудно. "Так, в Махачкале поддерживают объединение кого угодно: Адыгеи и Краснодарского края, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Чечни и Ингушетии. Но только не себя с кем-то"¹¹.

В реальности реализация такого проекта приведет к реформированию этнополитической ситуации на Северном Кавказе в целом. Так, в случае создания Северо-Кавказского края в предложенном виде, ее руководство попросту не справится с притязаниями вайнахских, дагестанских и кабардинских элит на доминирование в регионе, а территория субъекта превратится в арену их жесткого соперничества, где Центру придется постоянно дислоцировать крупную группировку отборных войск.

Если подготовка к реализации положений реформы местного самоуправления вызвала столь бурную реакцию в республиках Северного Кавказа, то такой грандиозный земельный передел, открывающий невиданные ранее для северокавказских этнических элит перспективы экономического и политического доминирования на огромных территориях (в том числе и с преобладающим славянским населением), явно актуализирует огромное количество социальных и политических проблем и переведет ранее пассивное славянское население в разряд самых активных субъектов конфликтного взаимодействия.

Кроме того, не исключено обострение осетино-ингушских и осетино-чеченских отношений, обострение отношений между Северной Осетией и центральными властями, что равносильно ухудшению осетино-русских отношений; а также обострение ситуации в Южной Осетии.

Особую опасность представляет обострение осетино-ингушских и осетино-чеченских взаимоотношений.

После событий в Беслане, около тысячи осетин уже пытались организовать погромы ингушей. Но силами правопорядка они были остановлены. Если подобные явления усилятся и будут жертвы, то новый межнациональный конфликт еще более обострит и без того сложную ситуацию на Северном Кавказе.

Одним из наиболее опасных для Федерального центра сценариев развития ситуации может стать обострение отношений между Северной Осетией и центральными властями Российской Федерации, особенно в свете странной манипуляций Центра с расследованием бесланской трагедии. Обвинить Кремль в организации событий в Беслане способны и террористические группировки, действительно заинтересованные в обострении ситуации в Северной Осе-

тии-Алании. В таком случае у населения Республики может появиться стойкое недоверие к центральным властям.

Такое же недоверие может появиться и в других регионах Российской Федерации.

С геополитической точки зрения одним из самых опасных сценариев здесь является то, что недоверие к центральным властям может трансформироваться в недоверие к русским вообще.

Без поддержки осетин Москва может существенно ослабить свои позиции на Северном Кавказе. А, учитывая то, что Южный Кавказ отчаянно пытается интегрироваться в евроатлантические структуры, то и народы Северного Кавказа при отсутствии духовно-культурной близости под воздействием изменяющейся геополитической ситуации способны в будущем поменять свою политическую ориентацию.

Осетинский фактор представляет исключительную важность для позиций Москвы на собственном Северном Кавказе. Осетины – единственный из автохтонов на Северном Кавказе, исповедующий православное христианство. Они практически первыми добровольно вошли в состав России и не участвовали в Кавказской войне горцев с Российской Империей в XIX в. Сейчас осетины остаются самым надежным союзником и оплотом России на Северном Кавказе.

Примечания

- ¹ Рубан Л.С. Геополитическая ситуация на Кавказе // <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/08/rub1/>
- ² Шеварднадзе Э. “Я никогда не прощу русских” // Die Tagesspiegel. 2003. 03. Dezember.
- ³ Нервическая премьера Саакашвили // Die Presse. 2004. 22. Januar.
- ⁴ <http://www.vremya.ru/2004/204/4/111547.html>
- ⁵ Ансари Т. Что стоит за заявлениями Рамзана Кадырова? // http://www.echo-az.com/archive/2004_11/953/zarubej02.shtml
- ⁶ Чернов М. Грузинам ответят чеченцы // <http://www.rbcdaily.ru/2007/10/25/focus/300084>
- ⁷ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов н/Д., 2005.
- ⁸ Глюксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ, 2006.
- ⁹ Казенин К. Крепок ли тыл России на Северном Кавказе? Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкессия // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1095685260>
- ¹⁰ Северный Кавказ: набор проблем // <http://www.rian.ru/politics/20050629/40811130-print.html>
- ¹¹ Три губернии на один округ // Южный репортер. 2005. 27 июня. № 11.